

АННА ВИК

16+

ГЛАДИУС
ПРАВДЫ

Анна Вик
Гладиус правды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67193657

SelfPub; 2022

Аннотация

Битва при Бибракте глазами одного legionera. Кого суждено встретить Марку Вению в бою, что утратить и обрести?

Содержание

Анна Вик

Гладиус правды

Марк Вений, легионер второй центурии, вдруг понял, что больше не может стоять на ногах. Было ли то из-за недельного недоедания или столь же длительного недосыпа, рассудку трудно было понять, однако тело уже вконец перестало его слушаться. Легионер отошел от своих товарищей, таких же вымотанных, голодных, как и он сам, дабы не участвовать больше в их пустых разговорах о раздаче хлеба. Марк присел на невысокий камень возле его и Гая Грания палатки. Из нее раздалось ворчание приятеля:

– Бестолочи, они и правда верят, что скоро раздадут зерно.

– А ты, бестолочь, и правда веришь, что все вокруг только бестолочи, – передразнил его Марк. – Носа своего не показываешь, хоть бы помог поохотиться.

– Они хотят есть дикого зайца без соли! – высунув свою рыжую голову из-за штор, воскликнул Гай. – Нет, если ты хочешь умереть, то пожалуйста... Или какой болезнью заразиться... Как будто тебе не хватило вшей и паразитов за весь поход.

– Хватило, хватило, не умничай, – раздраженно ответил Марк. Он понимал, что приятель, конечно, был прав, но ту-

пая боль в животе уже одурманила разум солдата, пропитав все его мысли недовольством.

Легионер какое-то время таращился в умное веснушчатое лицо друга, а затем бросил взгляд-молнию, взгляд-беззвучное слово. Мысль, которую тот вмиг уловил.

– Нет. Ты что, сдурел?! – ответил на нее Гай, вздернув свои медно-рыжие брови. – Мы не будем это есть, покуда первый из нас не упадет в обморок. Таков был уговор.

– Да плевать мне на уговор! Я жрать хочу, понимаешь? Жрать!

Раздосадованный Марк бросил свою серебряную тарелку, что уже начал вертеть в руках, в землю. Она вонзилась в рыхлую почву, словно диск. В каких-то нескольких шагах от палатки еще с неделю назад, до наступления тяжелых времен, они с другом зарыли небольшой запас сухарей на случай, если станет совсем плохо. Упасть в обморок в бою от перенапряжения и нехватки сил – этого еще не хватало! А сражение вот-вот должно было случиться.

Их центурия преследовала гельветов¹ уже которую неделю, загоняя их к подножью одной из галльских гор. Вся римская армия, пожалуй, держалась только на энтузиазме проконсула Цезаря, возглавлявшего кампанию. Многие трибуны и центурионы лично знали своего предводителя, а потому, сжав зубы, переживали нелегкие времена лишений – пожалуй, Его доблесть заставляла верить в победу Рима.

---

¹ Гельветы – племя на территории Галлии

Марк Вений же, семнадцатилетний юноша, высокий и крепкий, до поры до времени вовсе как будто не замечал неудобств жизни в лагере. Его вдохновляли старшие товарищи, по вечерам у костра рассказывавшие истории о подвигах и храбрости Цезаря. Его вдохновляли красивые женщины, общество которых он сможет позволить себе по возвращении домой. Его вдохновляли деньги и земля, что он получит, когда Цезарь щедро вознаградит своих воинов.

«Красивого, но бедного сына обычного сапожника не так уж и сложно одурачить обещаниями хорошей жизни?» – стало первой усмешкой Гая Грания над ним.

Их дружба была странной, она скорее напоминала неизменные наставления Гая и молчаливое восхищение умом товарища со стороны Марка. Каждый знал, что вряд ли обоим удастся выжить в Галльской войне, а потому они просто наслаждались обществом друг друга, не задумываясь о том, что будет после кампании.

– Тогда жри! Хоть бы ты подавился этими сухарями! – с негодованием воскликнул Гай, плюнув с таким расчетом, чтобы плевок пришелся ровно на правую сандалию Марка.

От омерзения тот вскочил, инстинктивно выхватив кинжал из ножен. Бешенство охватило все его существо. Мгновенно, словно кошка, зашипел в ответ Гай и вылетел из палатки. Он вынул в ответ свой кинжал.

– Ну что, давай? Брат на брата, за горстку черствого хлеба! – усмехнулся Гай. – Коль убьешь меня, так весь мешок

твой.

Пока Марк колебался и думал, как теперь выкручиваться из дурацкого положения, которое сам же и создал, кто-то из другой части лагеря закричал:

– Поллукс сбежал!

Нелепые гримасы друзей исчезли, уступив место недоумению.

– Да не может такого быть, – пробормотал Гай, складывая свое оружие обратно в ножны. Лицо его исполнилось тревоги, взгляд огромных глаз навывкате устремился на утес возле ручья, откуда доносился голос.

– Не может, – эхом отозвался Марк, сложив и свой кинжал. – Прости, я совсем уже голову потерял... С голоду.

– Бывает, – брякнул Гай в ответ. – Давай лучше узнаем, что там с Поллуксом.

Они молча пробирались сквозь волны зелени, поросшей подле деревьев. Мысли Гая, видно, все обратились к любимому псу. Поллуксом звали моллоса² при их центурии. Еще с месяц тому назад он увязался за ними, причем накануне сражения. На заре, подкрепившись вяленным мясом вместе с остальными солдатами, молосс неожиданно... Вступил в бой. Он рвал безжалостно галлов своими острыми зубами, не до смерти, но серьезно рая. Без амуниции сражался наравне со всей центурией. В тот же вечер его окрестили Поллуксом, псом-легионером.

---

² Порода боевых собак.

Гай привязался к нему, казалось, больше всех остальных. Они были даже чем-то похожи: оба очень подвижные, легкие на подъем; у обоих большие карие глаза-блюдца. Еще их единила какая-то особенная *рыжая* энергетика. Солнечная, яркая. Чаще всего Поллукс ночевал подле палатки Марка и Гая, и поэтому оба так встревожились, услышав клич о пропаже пса.

– Эй! – окрикнул Марк солдата, потиравшего ладони над костром. Уже вечерело, и без горячей еды последней солдатской радостью оставалось тепло огня.

Тот обернулся. Солдат, которого Марк по ошибке принял за рядового легионера, оказался центурионом – главой их сотни. От стыда Марк Вений покраснел до кончиков ушей.

– А, Марк... Поллукса не видели у себя? – посмотрев с пренебрежительной строгостью на подопечных, как бы не замечая допущенной дерзости, спросил центурион.

– Нет, – ответил за него Гай. – Еще вчера утром ушел от нас. Я думал, он хотел поохотиться с вами.

Центурион пожал плечами:

– Мы нигде не можем его найти.

– А ручей?

– Тоже весь обыскали. Если бы он утонул, то наверняка блеск доспехов мы бы заметили. Вода же совсем прозрачная в этих местах.

– Это верно, – с горечью отозвался Гай. – Что же, лишиться накануне решающего боя нашего талисмана, еще и в го-

лод... Хуже времени и быть не может.

– Да погоди ты расстраиваться, – положил осторожно руку ему на плечо Марк.

Тот с неприязнью поежился.

– Оставь меня, пожалуйста, – пробормотал Гай. Он небрежно сбросил руку товарища, развернулся, и, ничего больше не сказав, направился к слону, оставив центуриона и Марка в недоумении.

Те стояли какое-то время, каждый находясь в своих тяжелых мыслях. Обменявшись парой неловких фраз, они встретились нечаянно взглядом и как-то тоскливо улыбнулись друг другу. После чего каждый, попрощавшись, удалился во-свояси.

«Может, он нас покинул, чтобы не видеть наше поражение? Говорят же, что животные умеют предчувствовать... – размышлял Марк потом перед сном. – Мы ослаблены, нас во много раз меньше, чем гельветов. Да и новобранцев, не видевших толком сражений, немало. Таких, как я сам».

Он пытался оставить тревогу в прошедшем дне, в звоне кристальной воды ручья, в ярости тренировочного боя. Но последним, что посетило его разум перед провалом в объятья Морфея, были печальные блестящие глаза Поллукса.

***

Утро началось с неожиданно приятной вести: эдуи³, союзники Рима в борьбе с гельветами, наконец, сподобились выдать им зерна. По слухам, сам Цезарь настоял на этом, ибо тянуть с решающим сражением виделось ему уже невозможным.

Некоторые местные обещали дать им немного сыра, вина и даже несколько голов рогатого скота, если каждый центурион сам приедет и заверит их в победе римлян над гельветами. Те, конечно, начали тут же седлать коней. Когда какой-то святоша намекнул на вероятность другого исхода, Гай громко высказался:

– *Venter cibi avidus praescepta non audit*⁴! – чем вызвал всеобщий смех.

Радость охватила всю центурию, ведь теперь в бою сил должно было хватить и на подавление численного перевеса врага. Гельветы славились своим бесстрашием в бою, хотя и их разрозненность, как и всех варваров, сильно мешала им в масштабных сражениях. Стремление к свободе вкупе с дикостью, как известно, чреваты опрометчивостью.

Римская же армия, напротив, была в те годы сама дисциплина, что не давало новичкам испугаться в первом бою. Замешкался – прикроет щит товарища. Тот растерялся – рядом на вас двоих есть еще один воин, более опытный, с ним-то точно не пропадете. Именно так и выручали Марка и Гая

---

³ Кельтское племя, живущее в Средней Галлии.

⁴ Голодный желудок не слышит наставлений

другие легионеры на первых порах.

Хотя и Гай был смышлѐнее, первобытный страх смерти оказался сильнее всякого ума. Поначалу и он, и Марк, стояли с видом растерянных котят на первой охоте, не знающих, на кого прыгать, кого драть своими тонкими детскими когтями... Казалось, все выученные удары вылетели из головы, и, если бы не центурион, указывавший на очаги сражения своим оружием, они бы и не додумались вынуть из ножен свои кинжалы.

Но те времена были позади. Теперь Марк и Гай не только боялись меньше прежнего, они начинали *упиваться* схваткой. «Я или он? Я!» – говорило каждый раз что-то животное внутри. Они чувствовали себя хищниками, львами, что дерутся с гиенами. Ни Марк, ни Гай этих гиен не видели, но слышали рассказы про звериные бои на гладиаторских аренах.

– Для совершенного счастья не хватает только Поллукса, – вздохнул Марк, когда они месили тесто для хлебных лепешек вместе с Гаем.

Лицо приятеля вдруг побледнело. На него будто надели трагическую маску, оно стало жестким, холодным.

– Мне кажется, я больше его не увижу, – произнес он и замер, погрузив пальцы в липкое тесто.

– Что за глупости ты говоришь! – воскликнул Марк, нахмурившись. – Сам Цезарь будет с нами на поле боя. Мы не можем не одержать победы! А потом он снова прибежит, вот

увидишь. Поллукс же умный...

– Я сомневаюсь не в нашей победе, – продолжал все тем же металлическим голосом Гай. – А в том, что выживу в сражении! Предчувствие, знаешь?

– И никогда такого не было раньше? – саркастически усмехнулся Марк. – Мы ведь были на волоске от гибели каждый раз. Пехота тем и славится, что идет в расход и гибнет первой.

– Это другое, – тяжело вздохнув, покачал головой Гай. – Занимайся своим хлебом, забудь.

Марк хотел воодушевить его хоть как-нибудь, но понимал, что это ему не удастся. Над другом за какие-то часы словно выросла огромная серая туча. Аура тоски, безнадежности так и окружала теперь обычно столь жизнерадостного Гая.

Испекли хлеб, сварили похлебку, а дешевое вино разлили по кубкам. Остальные запасы решили оставить на победное пиршество – в том, что оно будет скоро, уже никто не сомневался. Разведя небольшой костер, легионеры принесли жертвы Марсу, бросив каждый в него немного из яств. Посидев возле очага, вскоре после заката солдаты разошлись по своим палаткам. Остались лишь дозорные, бедолаги, которым придется и наутро сражаться бок о бок с теми, кто выпится и отдохнет за ночь.

Ни Марк, ни Гай, однако, не могли похвастаться хорошим самочувствием наутро перед боем. Гай, очевидно, не сомкнул глаз, потому что думал, что это была его последняя ночь на земле. Марк же не мог отбросить размышлений о Цезаре, о возможной встрече с ним.

«А каков Он будет? Правда ли так храбр и умен, как о нем толкуют?.. Нет, я не верю, что мы встретимся. И все же...» – воображение его вмиг нарисовало проконсула на коне, шествовавшего вдоль их центурии. Здороваясь со знакомыми солдатами, вдруг – ну а вдруг ?? – Цезарь приметит и его, Марка.

Образ знакомства был таким ярким, таким пленительным, что легионер не мог отказаться от соблазна предаться мечтаниям. Вот они уже сражаются плечом к плечу на поле боя, он доказывает свое бесстрашие в бою. Затем Цезарь, награждая особенно отличившихся, вспоминает о нем и дарует должность личного охранника в знак признания...

...– Подъем! Стройся! – сквозь сладостную зарю предутреннего сна прорывался голос центуриона.

– Какой кошмар, – пробормотал Гай, потирая глаза. Лицо его, Марк видел это даже в лунных предрассветных лучах, совсем осунулось. Рыжие веснушки превратились в коричневые крапинки, покрывавшие всю его мертвенно-бледную кожу.

– Не то слово, – отозвался Марк. Голова гудела так, будто ее кто огрел походным котелком. Но делать им было нечего, лишь собрать силу воли в кулак и выполнять свой воинский долг.

– Слушай, пообещай мне одну вещь, – попросил его Гай перед тем, как отодвинуть штору на выходе. Взгляд его был донельзя серьезен. – Когда я умру, найди после битвы мое тело и забери кинжал. Продай драгоценные камни из него⁵ и отдай деньги моей матушке. Ты знаешь, где ее найти в Риме.

– Да-да, на рынке... – пробормотал Марк в ответ. – Только этого не случится, ты сам с ней встретишься по возвращении.

– Обещай, – сурово потребовал во второй раз друг.

– Обещаю.

Тут он на секунду положил руку на плечо Марка:

– Спасибо. И знай, что ты, пожалуй, мой лучший друг за последние годы.

Затем Гай убрал ее, и, не дождавшись ответа ошарашенного таким признанием друга, вышел из палатки.

Стылое небо за ночь словно налилось кровью. Багряный рассвет, несомненно, возвещал о пришествии Марса на поле боя. Дух римлян, что днем ранее восстал из пепла безнадёги, теперь расцвел, наполнился верой. Любимый бог был с ними в сражении, любимый полководец стоял во главе войска.

---

⁵ Цезарь приказывал своим солдатам украшать свои кинжалы драгоценными камнями, чтобы те не бросали оружие на поле боя.

Цезарь, появившийся словно из-под земли перед их шеренгой, поразил всех своей особенной резкостью движений. Когда Марк смотрел на него, ему хотелось не торопиться, но решительно действовать. Что-то в фигуре поджарого мужчины обладало силой, отличавшей его от других людей. Он приковывал взгляды и внушал трепет каждым словом своей напутственной речи. Та была краткой, но емкой и побуждающей ни на секунду не сомневаться в победе Рима над варварами. Закончив с нею, Цезарь вдруг... Слез с коня и отправил его прочь с поля боя.

– Не может быть!.. – стали перешептываться солдаты пехоты между собой. – Значит, он пойдет в атаку вместе с нами наравне?

– Назад пути нет, – продолжил Цезарь, улыбаясь всем одновременно и как будто лично каждому солдату. – Если победы Рима не случится, мне суждено сгинуть с вами, мои друзья! И тогда мы встретимся в Элизиуме, братья.

Улыбка его стала еще шире. Марк не смог удержаться от ответной и почувствовал, как тело покрывается мурашками. Сонливость как рукой сняло. Он был готов кинуться на врага. И после громкого возгласа почувствовал, как и в прежних сражениях, что его существом будто бы управляли ноги и руки, а не некая самость, что главенствовала обычно.

Даже зрение Марка стало другим. Теперь он не видел ничего и никого, кроме того, что было прямо перед ним. Будь то неприятельский меч или щит, разъяренное варварское ли-

цо или кровавой сгусток на потрескавшихся бледных губах противника; он видел ее, словно та была частью мозаики.

Однако на какой-то миг все замедлилось. Нечто приостановило восприятие битвы Марком. Какая-то яркая деталь, блеск и цвет которой показались ему до боли знакомой... Он посмотрел вниз, увидел в руке побежденного им противника предмет, и понял, в чем дело. Сердце пронзили сотни ледяных игл: то был кинжал Гая, украшенный драгоценными камнями. Они переливались, обогранные кровью, в ручьях солнечного света, что лились беспощадным потоком уже пробудившегося солнца.

– Не может быть, – пробормотал Марк, склонившись над полуобнаженным телом гельвета. Собственное оружие он убрал в ножны, и, прикрываясь щитом, выхватил кинжал из безвольной руки мертвеца. Марк сжимал оружие до тех пор, пока костяшки не побелели.

– Не может быть, – эхом отозвался голос приятеля в голове.

Марк не видел изуродованного тела Гая, но чувствовал, что оно было совсем близко. Он не хотел искать его, во всяком случае, пока. А потому продолжил путь, сражаясь теперь кинжалом друга вместо своего. Пелена ярости теперь пуше прежнего сузила Марку обзор.

Легионер обезумел. Убивая врага, он словно мстил каждому варвару за смерть друга.

Однако Гая, увы, было уже не вернуть.

Он так и остался лежать погребенный под грудой других мертвых воинов. Несчастный подле несчастных, чья жизнь оборвалась, так и не разгоревшись ярким пламенем.

***

Сражение подходило к концу. Победа была за римлянами. Численный перевес противника был умело побежден стратегией Цезаря, который так и не покинул поле боя за все эти часы. Казалось, они превратились и в годы, и в краткие мгновения для обеих сторон. Жизнь и смерть слились в жестоком танце, опасном и кровавом.

Марк приблизился к границе собственных сил. Он никогда – ни до, ни после в своей жизни – не чувствовал себя столь неуязвимым. Кинжал Гая словно горел в его руке. Им он прорубал дорогу неизвестно куда... Вперед?

Через какое-то время легионер понял, что сражаться было уже не с кем. Добравшись до повозок с припасами и оружием, пожитками варваров, Марк начал ходить вокруг них кругами и искать хоть одно живое существо. Он чувствовал в себе силу убить еще двоих, пятерых, десятерых. Из ненависти он был готов придушить их детей и изнасиловать жен, забрать все самое дорогое – семейные реликвии и амулеты. Разрушить храмы их богов, сжечь что-нибудь маленькое, но священное... Главное, чтобы это было священным, думалось Марку.

Справа от него раздался едва уловимый, мягкий свист. Если бы не обострившийся за последние часы слух, Марк бы наверняка не обратил на подобный звук внимания. Однако, на его счастье, он вовремя обернулся: с одного из деревьев прыгнул мальчишка-гельвет, держа в руках небольшое копьё. По виду это был еще совсем подросток, не старше двенадцати лет, но его взгляд был не менее свиреп, чем у взрослых воинов-варваров.

Опрометью он бросился в атаку. Марк легко отбил ее, прикрывшись своим щитом. Хлипкое копьё вонзилось в него, и легионеру не составило труда затем разломать оружие пополам одним резким движением правой руки.

– Зря, – прошипел Марк с долей досады, отбрасывая копьё на поляну, поросшую бирюзовой травой. Победа далась ему слишком легко, он был даже немного обескуражен.

Гельвет бросился врукопашную, но Марк скрутил паренька в два счета. Силы были слишком неравны. Приставив кинжал к его горлу, он уже был готов нанести последний, лишаящий жизни, удар, однако остановился на мгновение. Запястье его ощутило бешеное биение сердца мальчика.

Марк опешил. Вдруг испугавшись, он, взяв противника за слабое плечико, бросил того прямо в обоз с провизией. Раздался глухой удар – тело гельвета врезалось в деревянный бортик. Он взвыл от боли и сполз вниз, прислонившись к большому колесу.

«Может, отпустить его?» – внезапно пронзила мысль ра-

зум Марка.

– Не медли. Пусть лучше его мучения закончатся как можно скорее, – неожиданно раздался голос позади легионера.

Марк Вений обернулся и увидел Самого Цезаря.

«Уж не чудится ли мне?» – подумалось солдату. Он потерял глаза, но ничего не изменилось: к нему и впрямь приближался своей энергичной походкой проконсул Гай Юлий Цезарь.

Марк оторопел. Он вглядывался в лицо своего командира, будто пытался разгадать какую-то загадку, что была спрятана в глубоких морщинах, покрывавших все его лицо. Когда Цезарь приблизился к Марку, то оказалось, что проконсул был на голову ниже легионера и как будто раза в два тоньше.

– Чего же ты стоишь и поддаешься своим сомнениям? – сухо спросил его Цезарь.

– Но ведь это детоубийство... – пробормотал Марк.

А про себя добавил: «Теперь назад пути точно нет. Гельвета придется лишить жизни». Однако тело противилось словам внутреннего голоса и приказу своего командира: рука с кинжалом ни с того ни с сего задрожала. Чтобы не показывать сей слабости, он прикрыл ее щитом.

– Это – наш враг, – бесстрастно парировал Цезарь, из-под нахмуренных белесых бровей наблюдая за легионером. – На поле боя нет места жалости. Каждый здесь – победитель или побежденный, будь то мужчина, женщина, старик или ребенок. Даже животное – и то будет на чьей-то да стороне.

– А-а-в! – раздался в подтверждение его словам громкий лай из-за кустов.

Надежда вспыхнула в Марке, осветив на мгновение весь его мир, что уже поглотили черные тени. И она оправдалась: то был Поллукс, энергично бежавший к своим покровителям. Его морда вся была окровавлена, а глаза горели устрашающим огнем ярости. На краткий миг Марк даже улыбнулся и хотел было окликнуть пса, как вдруг раздался слабый вскрик: то был предсмертный возглас мальчишки.

Цезарь, что нанес ему удар своим гладиусом⁶ прямо под кадык, с безразличием наблюдал за угасающей жизнью. Действо сопровождали жуткие булькающие звуки, которые доносились из горла несчастного, всего залитого собственной багряной кровью.

– Так хрупко человеческое тело, – вздохнув, возвестил Цезарь. – И столь коротка нить жизни некоторых....

– Но мы же могли его пощадить! – набравшись смелости, воскликнул Марк. – Ведь сражение было уже выиграно. Что с того, что он на вражеской стороне? Продали бы его в рабство, он стал бы гладиатором или еще кем...

– Думаешь, его осчастливила бы такая жизнь? Бросаясь на тебя, он знал, на что идет. Но его не остановил страх гибели.

– Он напал, потому что ему так велели взрослые. Это лишь внушение... – тут Марк затих. Его осенило, что истина эта относилась не только к гелльвету.

---

⁶ Короткий солдатский меч.

Поллукс, подбежав к легионеру, сначала как бы прося ласки, уткнулся лохматой головой в его правую ногу, а затем стал лизать колено. Переведя взгляд вниз, Марк обнаружил, что был ранен. Кровь сочилась из-под коленной чашечки, но легионер совсем не чувствовал боли. Он потрепал пса за ухо, что-то с благодарностью пробормотал и неожиданно поймал на себе мягкий, понимающий взгляд собачьих глаз.

Серые же очи Цезаря, напротив, смотрели на Марка бездушно. В них не было жалости, не было доброты и чести, что он ожидал встретить в своих мечтаниях. Черствость превратила все его лицо в камень, превратив глаза в два безжизненных куска мрамора.

– Пойдем же дальше, солдат?

Марк лишь кивнул в ответ. Непрошенную слезу можно было сдержать или спрятать в пылу будущих схваток, коих Марку Вению предстояли еще сотни, если не тысячи. Он знал и чувствовал, что у него не было другого пути, кроме как пути воина, а потому на нем ему придется следовать за такими, как Цезарь, в которых уже не осталось ни капли жалости. Ни капли того, что сделало бы его простым смертным.

Проглотив подступивший к горлу комок, Марк Вений бросил последний взгляд на распростертое тело мальчика-воина и устремился вслед за своим командиром.